

12 «ПОВЕСТЕЙ»
МАРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ

Мария Французская 12 повестей Марии Французской

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9821156
12 повестей Марии Французской: Фолио; Харьков; 2014
ISBN 978-966-03-6891-0*

Аннотация

Эти сказочные повести – находка для специалиста и для любителя.

По какой-то загадочной причине в истории русского перевода не находилось места для легендарной Марии Французской. Сказки эти не были переведены до сих пор, кроме двух-трех. На все языки переведены, но не на русский.

Прашескировский сюжет, мягкая, пластичная строфа, авторская метрика, причудливость подлинной сказки – чего только нет у Марии Французской... Нежный юмор и скромное достоинство автора – и все это теперь в нашем распоряжении.

Содержание

Предисловие переводчика	4
Пролог	14
Гижмар	18
Эквитан	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

12 повестей Марии Французской

Предисловие переводчика

Пришло время рассказать об этом. Не знаю, как справлюсь.

Эти переводы – надолго, на много лет отложенная, отодвинутая интрига.

Я обнаружила «Лэ Марии Французской» очень давно, в

школьные еще годы, фрагментарно в каких-то учебниках. Возможно, потрудившись, можно было бы восстановить, где именно. Впечатление оказалось пожизненным, как заключение.

Итак, это цельная конструкция из 12 лэ (баллад) и пролога.

1. «Гижмар» – это фантастическая повесть со сказочными аксессуарами (говорящая лань, самоходный корабль, заговоренная рубашка), близкая к истории Тристана и Изольды. Имя героя можно попытаться расшифровать – кроме бретонского происхождения, не откинешь латынь и французский. Вероятно, оно означает Бедняга, Бедолага, и, кстати, всюду намеки не на злключения, а на незаинтересованность в дамах; все его раны как-то неспроста.

2. «Эквитан» – что-то вроде фарса с грозным юмором, а имя героя сообщает о том, что он был, натурально, весьма совестлив, не труслив, а вот именно стыдлив, для короля незаурядно. Похоже, имя Эквитан происходит от «уравновешенный, компромиссный». Ну, плюс Аквитания, плюс «аква», любителю Средневековья хорошо знаком «Фарс о лохани».

3. «Ясень» – это классическая история о близнецах. В литературе предание прирастает и «Беяночкой и Розочкой», и «Легендой о близнецах» Цвейга, и «Двенадцатая ночь» Шекспира тоже тут.

4. «Бисклаврэ» – насколько можно расшифровать это при-

чудливое для нашего слуха имя, означает «двуликий» или, по-русски, именно «оборотень».

Наверное, лишнее указывать на «Аленький цветочек» Аксакова, на все вариации «Красавиц и Чудовищ», это очевидно. Вервольфы и гару – изобильны во всех мифологиях.

«Бисклаврэ» – оригинальный сюжет мелюзинного рода, правда, двойную жизнь ведет мужчина, а не дама-фея. И он не погибнет от руки человеческой, как это было с Мелюзинной. Предателей накажут, герой уцелеет. А тайны свои – надо охранять, все уж очень хрупко, между нами говоря.

5. «Ланваль» – единственная повесть из артуровского времени. Герой присутствует за Круглым столом, его следы об-

наруживаются и в списке рыцарей, и в реальной Бретани.

Рыцарь попадает в обольстительный плен царицы иных миров.

Пушкинская «Сказка о золотом петушке» приветствует нас, да и Шехерезада тоже.

Лояльности верноподданической тут нет никакой: Артур глуп и жесток, а Гиневра отвратительно не по-королевски коварна.

Зато появляется Авалон – туда-то Ланваля и эвакуируют, от беды подальше.

6. «Влюбленные» – вневременная универсальная история о тех, кто шел, да не дошел, был слишком простодушен и чист. Чтобы выжить и остаться с выигрышем, следовало схитрить. Оказывается, не все на это способны.

Это единственная нормандская повесть у Марии Французской. Похоже, этот холм, неподалеку от города Эвре, существует.

К тому же сказку Ш. Перро «Гризельда» считают происходящей от этой повести.

Овдовевший король влюбляется в дочку – довольно скоро сказители закроют эту небезупречную тему, появятся «Белоснежка», «Мертвая царевна с семью богатырями». Промежуточная фигура злой мачехи прикроет исторический грех короля-отца.

7. «Йонек» – это бретонское имя. Яник, Янник – вообще часты, а это, возможно, вариант Иоанна. Рыцарь-птица и в

«Финисте-ясном соколе» рыцарь.

А героя повести зовут иначе – Мулдумарек. Он тоже существо, живущее в двух мирах, а все же сказание о нем – не мелюзинного цикла. Он не стремится жить среди людей, знает, что они опасны. Его мир четко очерчен, выписан с деталями, и это «нижний» мир. Похоже, из судьбы и имени его исходя, что он из падших ангелов.

Впрочем, изделие совсем иного времени – «Синюю птицу» Метерлинка – специалисты тоже выводят из «Йонека». Может, поход героев через земные, надземные и подземные царства в самом деле позволяет и эту версию считать жизнеспособной.

8. «Соловей» в оригинале начинается с трогательного разъяснения автора того, что бретонское слово «аостик» она не променяет на французское «Россиньоль» или английское «найтингэйл». Чуть помедлив, поэтесса возвращается к нежному «аостик».

Это маленькая поэма о нравах жизни города, где дома – вот беда-то! – стоят стена к стене. Поэмка проста, да не очень, и в ней вновь отсыл к Тристану и Изольде.

9. «Милон» – это имя встречается среди рыцарей Круглого стола.

История младенца, отданного на воспитание, пущенного «по волнам», отодвинутого отцом и матерью до лучших времен, – этих сюжетов не счесть: от Моисея, через Мольера, Шекспира, да и пушкинская «Сказка о царе Салтане» встро-

ится, хоть дитя отправили не в одиночку, а с мамой.

Как зовут юного рыцаря, так и не выясняется, а Милон – имя героического отца. Имя премудрой матери, отправившей младенца в ссылку на 20 лет, тоже остается неизвестным, по прихоти автора.

Присутствует волшебный лебедь, который носит любовникам почту эти самые 20 лет, жалкая участь птицы из баллады «Соловей» его минует.

Вообще, у этой странной семьи все будет хорошо.

10. «Несчастный» – это курьезный средневековый (а может, и актуальный?) эпизод о невольном дезертирстве, о человеке, попавшем в неловкое положение.

Мне кажется, скорее так – чем считать это повестью о капризной красавице, возможно, королеве Альенор, или о графине Шампанской.

Чуть анекдот, чуть поклон рыцарству с его догматами.

Не с чем, пожалуй, и параллель провести, это какой-то капитан Тушин из «Войны и мира».

11. «Элидюк» – это даже небольшой стихотворный роман, полифонический вполне: внутри него есть и «Гижмар» с таинственными плаваниями, и «Влюбленные», где король-отец равнодушен к дочке, и Милон с его воинскими заслугами, и «Жимолость» с лесным колдовством.

Но это абсолютно самостоятельный сюжет. Множество мужчин всех эпох примут эту историю близко к сердцу.

А имя Элидюк – вновь подает нам знак: это, пожалуй что,

«избранный» и «изгнанный» в одном лице.

12. «Жимолость» – единственная вещь Марии Французской, представленная во всех антологиях, хрестоматиях средневековой литературы.

Это изолированный фрагмент из «Тристана и Изольды», извлеченный поэтессой, по ее словам, из рукописей, из старых книг. Отчего-то именно встреча влюбленных в лесу, кульминация их отчаяния привлекла внимание автора. Возможно, собранная в этом эпизоде пороховая энергия боли и безвыходности вприснула в строки «Жимолости» нечто, что многих и многих притягивает к этим стихам по сей день.

Автор терпеливо разъясняет слово «шеврофей» – козий листик по-русски, приводит английские «готлиф», перевод тот же, а нам достается загадочное ботаническое «жимолость».

Что-то из моих комментариев покажется наивным, что-то забавным.

* * *

Для меня нет сомнений в том, что сказочные повести в стихах Марии Французской – одно из первых подлинно литературных событий старинной, очень старой Европы. Обольстительная складность, мед для переводчика. Я даже взламывала эту чуть монотонную музыку синкопами и секвенциями.

Ее усмешка, твердая рука драматурга, простоватые с виду «входы и выходы» в каждую из баллад, ее доверительные отношения с «высшим» и «низшим» миром – все это было вне поля зрения тех, кто читает только по-русски.

Магическая реальность – так издавна это называется, и поэтесса была не сказочница, не фольклорист, а рассказчица. Пересказчица даже – она ведь перевела с латыни эти старые бретонские сюжеты, выбрав их из старых книг, потрудившись, видимо, в скрипториях. Так она пишет. Перевела она их на свой старофранцузский язык.

Отчего? Я не знаю, возможно, нуждалась в поддержке магией. Какой магией?

Настоящей, литературной, рифмованной.

Есть в мире Европа. Есть в Европе Франция. Там есть Бретань. Множество сказок там лежит, где положили очень давно. Корабли там заходят в бухты, такой контур побережья, чтобы спрятаться, как кораблик Гижмара.

А люди там живут, дети ходят в школы, по некоторым признакам.

В книжных магазинах продают карты местности – для тех, кто...

* * *

Моя пожизненная спутница, моя Мари де Франс кое-что завещала нам и, как всегда, сделала это тихим голосом, гиб-

ко, между сказочными строчками:

- читать и почитать старые книги;
- литературную работу делать тщательно и упорно;
- выбирать лучшее из того, что предлагает реальность, для высшей цели – обрабатывать и пересказывать, рифмовать и импровизировать, осваивать старинный сюжет как свой собственный, быть его хранителем.

Литературное изделие живет, как мы уже поняли, неправдоподобно долго, в некоторых странах особенно; много дольше каждого из нас.

Полюбит ли мой современник, говорящий и читающий по-русски, этих героев, их приключения?

Кое-что рискованно, кое-что очень по-моему.

Дело в том, что давно уж «нет в мире короля, которому смогу все песни перепеть, что в сердце берегу».

По преданию, Мария Французская жила и сочиняла при дворе Альенор Аквитанской. Писала «для своего короля».

Я уже не раз побывала на развалинах замка Альенор в городке Домфрон, в Нормандии. Ничьих следов там не обнаружила.

Пролог

Уж если дал Господь
Таланта и ума —
Не стоит избегать
Ни чтенья, ни письма.

Увидел – записал.
И смотришь – семена
Уже взошли, цветут,
Прошли сквозь времена.

Услышал – повтори.
А тот, кто рядом был,
Не слышал ничего.
Что помнил – все забыл.

А ты-то видел знак —
Луч солнца, например.
Вергилий делал так,
И старенький Гомер.

Для тех, кто слаб умом,
Приходится творить.
Им надобно сказать
И трижды повторить.

И ключик повернуть
В заржавленном замке —
Чтоб звякнул бубенец
На самом языке.

Взяла – перевела
Я все на тот язык,
Который вам знаком,
И всяк к нему привык.

Пусть многие брались —
Иных давно уж нет...
Слова еще нашлись,
Да потеряли цвет.

И вот я принялась
За сказочки в стихах —
Чтоб не перевелась
История в веках.

Чтоб шел за ночью день,
Чтоб миром Бог владел.
Чтоб знала место тень,
А демон – свой предел.

Нет в мире короля,
Которому смогу
Все песни перепеть,
Что в сердце берегу.

А если уж найду
Мужчину без грехов,
Тотчас ему отдам
Тетрадь своих стихов.

...Кому ж не дал Господь
Таланта и ума —
Пусть избегает хоть
И чтенья, и письма.

Гижмар

Когда рассказ хорош —
там зернышко на дне.
Ты зернышко найдешь, а сладко будет мне.
Счастлива та страна, где добрые дела
Творятся дотемна, и ночь у них светла.
Могучи их цари, и тюрьмы там пусты.
Светлы монастыри, а пастыри просты.
Мы знаем много слов, но лучшие – тихи.
И что нам до ослов, не верящих в стихи?
Хочу вам рассказать негромким голоском
Историю одну, добытую тайком.
Бретонцы говорят: в стране забытых фей
Истории лежат, но ты найти умей!

* * *

В то время правил Хель,
удачливый король.
При нем – один сеньор.
О нем скажу, позволь.
Прекрасный кавалер звался Оридиал —
Семейный человек, придворных идеал.

С супругою своей он проводил часы —
И дал им Бог детей невиданной красы.
На то и есть Бретань, там имя — как удар.
Девчущку звать Ноган, а мальчика Гижмар.
Уж как их любит мать и ласковый отец —
Но время вылетать из гнездышка, птенец!
И юноша идет на службу к королю.
Все юноше идет — как я это люблю! —
Доспехи, стремяна, и скачки, и бои...
Вот были времена любимые мои!
И юноша не ждет,
что грянет волшебство —
Во Фландрию идет, там яростней всего
В огне далеких стран сражался кавалер...
Но был один изъян: на женщин, например,
Он вовсе не глядел, неясно почему,
И ни одна из них не нравилась ему.
Нет, более того: он избегал любви,
Как будто бы и так носил ее в крови.
Уже чуть-чуть смешон
для преданных друзей,
Невинен, отрешен живет наш ротозей.
Но вот пришел домой.
Сестра, отец и мать —
Его наперебой ласкать и обнимать.
Со всеми ровно мил, без радостей иных,
Он целый месяц жил в семье,
среди родных.

* * *

Так можно и пропасть
без видимых причин.
Но есть иная страсть
для подлинных мужчин —
Охота! Наконец, созвали егерей,
И мчится наш юнец
в лесную глушь скорей.
И нож при нем, и лук, и полчище собак.
И что ж он видит вдруг,

плечом раздвинув мрак?
Там на опушке лань стоит, белым-бела.
И олененок с ней. И отступила мгла...
И царственнее всех,
так нежно хороши —
Что снимут тяжкий грех
с измученной души.
Наш воин, наш герой,
наш храбрый юный друг!
Достань скорее свой издававший виды лук.

Да не зови друзей,
и перестань дрожать.
А белой лани —
ей стрелы не избежать.
Спасенья зверю нет. Стрела летит хитро.
Но странный был дуплет —
Гижмар пронзен в бедро.
Он сам пустил стрелу, и кровоточит он.
И к своему седлу
почти что пригвожден!
Он падает в траву...
Пред ним олень лежит,
Во сне иль наяву лепечет и дрожит:

Ты, рыцарь молодой, меня не пощадил.
Я, рыцарь молодой, тебя не пощажу!
Ты думаешь, что ты легонько ранен был?
А я судьбу твою сейчас перескажу.

Ни дикая трава, ни тайный корешок
Не вылечат тебя, кровавый мой дружок.
Заклятья и стихи, врачи наперечет —
Дела твои плохи, и боль не истечет,
Покуда не найдется женщина одна,
Что за тобой пойдет до самого до дна,

До сердцевины сна, до пламени в аду.
Отыщешь – будешь жив.
Гижмар сказал: найду.
Оставь меня теперь! —
мгновение спустя
Шепнул несчастный зверь,
и пало с ним дитя.

* * *

Гижмар с тех самых пор
не может кровь унять
И странный приговор старается понять:
Куда ему идти, в каком таком краю
Искать и обрести кудесницу свою?
И отсылает он, всего в слезах, слугу:
Иди, любезный друг. Я больше не могу.
Я бодрствую во сне – такая точит боль,
Как будто в рану мне
все время сыплют соль.
Скачи к моим родным —
им сердце не солжет,
Но объясни ты им,
что рана смертно жжет...
Слуга собрал добро, поплакал и исчез.
Перевязав бедро, Гижмар уходит в лес.

* * *

Хромая, будто зверь, он вышел по ручью
На бережок теперь – и увидал ладью.

Он смотрит все смелей: кораблик на воде.
Таких-то кораблей он не видал нигде.
Стоит себе один, и не видать других —
Как будто из глубин
он вынырнул морских.
Эбеновая снасть, из шелка паруса —
Готов отплыть, пропасть,
взлететь под небеса.
Наш раненый герой немало удивлен:
За этою горой морей не помнит он!
Не знал, что корабли заходят в этот порт.
И вот уже с земли ступает он на борт.
Чеканка и резьба, и жемчуга гряда...
Ну что ж, сама судьба вела его сюда.
Упасть себе позволь,
чтобы очнуться вновь!
Он забывает боль, он вытирает кровь.
Толкнут тебя тычком —
в александрийский шелк
Ты упадешь ничком,
чтоб не завывать, как волк.
...Кораблик побежал по морю, по волне.
Там наш Гижмар лежал, так думается мне.
Не виден капитан, не слышен экипаж,
А вот корабль летит как призрак,
как мираж.

* * *

Меняется все, захотелось и мне
изменить свой стих.

Кораблик причалил,
как будто бы ветер
внезапно стих.

Страной этой правил давно,
с незапамятных пор
Супруг молодой госпожи,
пожилой сеньор.
Пожалуй, нет горя смешнее,

чем ревность мужей-стариков.
Что-то вроде потери зубов,
или даже нежнее,
это их прорезывание рогов...
Себя не желая признать уродом,
Карауля ночи и дни,
Он выстроил башню
с единственным входом,
Чтоб жена оттуда ни-ни.
Лишь море гладило мраморный
Башенный бок.
Хотя ведь и с моря,
если действовать грамотно,
Кто-то подплыть бы мог.
А в башне – унылой, серой,
Часовню устроил муж.
И ценною росписью – сцены с Венерой —
Украсил ее к тому ж...
Вот старый Овидий —
он нам нужен самим,
Мы любим читать на сон.
А наша пленница им топит камин —
Извини, дружище Назон.

Так вот, нашей даме,
заложнице,
избраннице на века —
Была поблажка положена:
служанка, племянница старика.

Они подружились и жили как сестры,
Как птички в своем раю.
Хотя этот рай и стоял
У пропасти на краю.
Лишь старый священник,
единственный, худенький и седой,
Имел свой ключик
к таинственной двери над самой водой.
Он был им вернее друга,
капеллан им был и слуга.
Такого слуги услуга особенно дорога.

Но час приближался,
и тем он запомнится
вам сейчас,
Что в полдень проснулся демон,
испытывающий нас.
Юные дамы посмеют
выйти проветриться в сад —
Но не думаю, что сумеют
легко вернуться назад.
Что видят они?
Вот странно:
корабль, пестры паруса.
Кораблик без капитана,
прекрасный, как небеса.
Кораблик все
ближе, ближе,
какой-то полет стрижа!
Но что я, как зритель, вижу?
Несчастливая госпожа!
Смертельно бледные обе,
дамы бегут к воде.
Корабль еще не причалил,
встречающих нет нигде.
Служанка на мостик взбегает,

старается не дрожать.
А госпожа выжидает,
и некуда ей бежать.

* * *

Случилось то, что случилось.
Все в жизни пошло вверх дном.
Конечно, дама влюбилась
В Гижмара, объятого сном.
Попробуйте не влюбиться,

Не возненавидеть свой хлеб —
Когда перед вами рыцарь,
Прекрасный, как спящий лев.

Он в башне уже очнулся,
Когда наступил рассвет.
Прислушался, оглянулся —
А боли почти что нет.
То жизни серьезный признак:
Боль уходит, как дым.
И женщина, будто призрак,
Склоняется перед ним.

Что делать, что дальше будет?
Как с этою дамой быть?
А вдруг она не полюбит,
Не станет его любить?
Он все-таки иноземец, не знающий языка.
А дама — чужая дама,
хотя, возможно, пока.

Хозяйке прекрасной башни
он говорит напрямик:
Сударыня, мне не страшно,
я к боли своей привык.
Но если, милая дама,
вам меня не спасти —
Выходит, у вас тут прямо
найду я конец пути.

Она его обнимает, целует горящий рот.
Она его понимает —
не всякая так поймет.
К тому же, друзья, к тому же
зажегся огонь в крови:
Она прожила при муже,
не знающая любви.

Вот так заключилось дело,
победу побед верша —
И тело любило тело,
а душу нашла душа.

Герой и любовь героя,
укрывшись от всех невзгод —
Так прожили эти двое
свой самый счастливый год.
Служанка их тоже не смела
вздремнуть среди ночи и дня:
Служила им как умела
и грелась у их огня.

Ах, милый, единственно милый! —
Шептала дама чуть свет. —
Любить вас с такою силой
Уже моей силы нет.
Но если другая найдется
неведомая любовь —
Душа моя разорвется,
и выкипит моя кровь.

Не бойся, не надо! —
тихо он ей говорит в ушко.
Забыла, что олениха
мне напророчила? Что
Я только с тобою буду

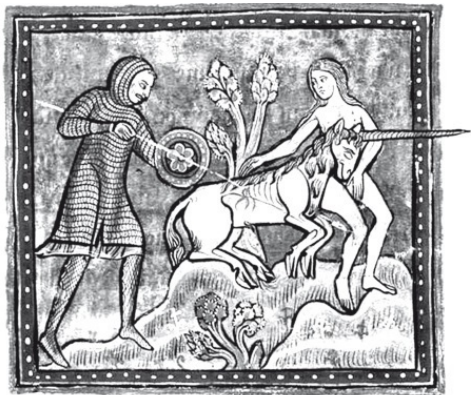
до самого Судного дня,
А если тебя забуду —
найдет моя боль меня.

И дама берет рубашку
из тонкого полотна.
Надень – говорит – мой милый!
И буду лишь я одна
Завязывать хитрый узел
сегодня и всякий раз.
И никакая другая. Такой тебе мой наказ.

А та, что его развяжет,
распутает на груди —
Она пусть тебе и скажет,
что будет там, впереди.
Гижмар ей в любви клянется,
хотя и сам поражен,
Что никто узла не коснется —
ни ножницами, ни ножом.

А все-таки, беспокоясь
о том, чего еще нет,
Он надевает ей пояс:
в застёжке – старый секрет.
Кто тайной любви желает,
кто хочет в огне пропасть —
Застёжку сперва сломает,
чтоб утолить свою страсть.

...И в тот же день непогожий
Открыли их тайный грот:
Слуга, на крысу похожий,
Нечаянно их найдет.
Как будто бы с порученьем
он тихо шел к госпоже —
А дальше видели только,
как опрометью уже
Бежал к своему господину...
И старый грозный сеньор
Отправился к девичьей башне,
где не бывал с давних пор.
Он в ярости дверь обрушил
из корабельной сосны
И рыцаря обнаружил
в объятьях своей жены.

Ну? – смотрит старик угрюмо. —
Откуда же ты, герой?
На дне какого же трюма
ты прибыл на берег мой?
Тут корабли нечасты,
у этих старинных скал.
За что ты мне дал несчастье,
какого я не искал?
Не всякому удастся
грудь старую растерзать...
И что тебе остается,
как правду мне не рассказать?

* * *

Гижмар говорит, как было:
как боль его привела
К берегу, где полюбила
дама его и спасла.
Как видно, судьба превратна,
и случай тут непростой.
Сеньор отвечает: Ладно.
Я понял тебя. Постой.
Ты говоришь, что прибыл
сюда к нам на корабле.

А что же никто не видел
его на нашей земле?
Ты где-то его припрятал?
А место не позабыл?
Гижмар отвечает: Помню.
Кораблик мой там, где был.
Его сейчас же уводят.
Поставили паруса,
И тихо корабль уходит —
плывет себе в небеса.
Плачет Гижмар, рыдает,
даму свою зовет.
А Бог за ним наблюдает,
и корабль — плывет.

Спустя три дня и три ночи —
родимые берега.
Гижмар и глядеть не хочет.
Но видит: верный слуга,
Что был в тот день на охоте,
он ждал его целый год.
Да где вы еще найдете
друга, который так ждет?
Гижмар кидается к брату —
надежному, как стрела.
Ей-богу, дорога обратно
совсем не напрасной была.
В семье его ждали страстно —
без памяти каждый рад,
Что сын вернулся из странствий,
бесценный вернулся брат.
И мать, и отец хлопочут,
соседи прочат невест.
Но рыцарь смотреть не хочет.
Но рыцарь не пьет, не ест —
О даме своей тоскует, которая узелком
Ему затянула рубашку,
к себе привязав тайком.

Об этом узле новейшем,
как об одной из примет,
Узнало множество женщин,
а как развязать – так нет.
Как только они ни бились —
всех ждал один эпилог:
Ничего они не добились,
крепкий был узелок.

* * *

А что же с нашею дамой
тем временем произошло?
С той дамой, любимой самой,
с той, что излучала тепло,
Которое исцелило
и сердце, и раны боль?
Позволь, расскажу, читатель,
о, ты только мне позволь!

Как прежде, она томится
в башне на берегу.
От мужа во всем таится —
зачем, сказать не могу.
Два года, два долгих года
никто к ней не заглянул.
Едва ли он жив, твой рыцарь,
верней всего – утонул.
Из башни она спустилась,
а как – откуда мне знать?

И вскорости очутилась
на том же месте опять...
Дух этой маленькой бухты
два года секрет таит,
И видит она: как будто
такой же корабль стоит.

Ах, так? Молодая дама
решительно рвется в бой.

Ах, так? И кораблик прямо
летит в простор голубой.
Куда он бежит – не знаю,
куда бегут корабли:
И в Индию, и к Китаю,
и к самому краю Земли.

Но Бог наш корабль направил
в Бретань, а не на Луну.
Сеньор Мерьядюк там правил,
вел небольшую войну.
И вот коменданту форта
видится из окна:
Корабль швартуется гордо,
а на корабле – она.

Она хороша, как фея,
да может, фея и есть?
И воин глядит, не смея
руку судьбы отвести.
Должно быть, она уважит
сурового сердца стук
И скоро-прескоро скажет:
Сядь ближе, мой Мерьядюк...

Вот гостью, чуть беспокоясь,
к себе пригласил сеньор.
Но что это? Грубый пояс,
странный на нем узор.

Где гладкие женские ножки
хотелось обнять рукой —
Одни лишь пряжки-застежки,
и нежности никакой.

Что это? – спросил он сухо. —
Я должен об этом знать.
И даме хватило духу о поясе рассказать.
Ах, вот вы какого роду! —
досадует наш сеньор.
Я слышал про эту моду
в округе с недавних пор.

Я даже знаю мужчину,
что даст себя растерзать,
Но только бы без причины
рубашку не развязать.
Рубашку?.. Под ней качнулся
и тихо поплыл весь мир.
Сеньор меж тем отвернулся
и кликнуть велел турнир.

Турнир! Вот и все терзанья
окончатся что ни есть.
Кто выиграет состязанье —
тому и дама, и честь.
И женщина ждет и бредит,
и страстно ждет новостей:
Конечно, Гижмар приедет

из облачных областей.
Да вот уж и он – и нету
ни мрака, ни пустоты.
Любимая, ты ли это?
Возможно ли – это ты?

С тревогою наблюдает
за встречей наш Мерьядюк:
Еще одно ожидает
вас испытанье, мой друг.
Велите подать рубаху —
ту самую, со шнурком.
Вот мы и увидим пряху,
что справится с узелком.

Сестра Мерьядюка, в надежде,
пробует в свой черед —
Но узел тугой, как и прежде.
Ничто его не берет!
А фея как ухватила – узнала свой узелок,
И с легкостью распустила,
как вязаный свой чулок.

* * *

Сударыня, Боже, Боже.
Лишь вы это знать могли!
Скажите же, что вы тоже
мой пояс уберегли?
И, трогая понемножку
одно из приятных мест,
Нащупывает застёжку —
эмблему вечных невест.

...Вы думаете, смирился

с таким пораженьем наш друг?
Вы думаете, изменился
наш воин, наш Мерьядюк?
Думаете, отдали невестам их женихов?
Тогда вы мало читали
и книг, и старых стихов.

Гижмар говорит Мерьядюку:
Два года вам буду служить,
Но отдайте мою подругу —
мне без нее не жить.
Сто рыцарей встанут по кругу,
и каждый подобен льву —
Но отдайте мою подругу,
я без нее не живу.

Сеньор отвечает грозно:
Я в этом деле судья.
Езжай, покуда не поздно.
А дама будет моя.
Гижмар тотчас покидает
город, что глух, как стена...
А дама опять рыдает, дама опять одна.

Рыцари, друг за другом,
вместе с Гижмаром ушли.
Обижены Мерьядюком воины той земли.
И, хоть Гижмар и не хочет
знать ни мечей, ни щитов,

Но он приезжает к ночи
к тому, кто к войне готов.

Рыцарь подаст ему руку,
и рядом – две сотни рук.
Кто был врагом Мерьядюку —
сегодня Гижмару друг.
Все ясно без перекличек,
все смотрят ему в лицо.
И крепость, где спит обидчик,
и город – берут в кольцо...

Погиб Мерьядюк наш гордый,
как воин, в большом бою.
А Гижмар захватил весь город
и даму нашел свою.
И будут еще реки крови
бежать по черной золе —
Покуда найдут две любви
место себе на Земле.
Но было такое место —
бей, сердце! Трудись, гортань!
Пришли жених и невеста
к нам в маленькую Бретань.

Эквитан

Те, что звались бретонцами когда-то,
Не так уж были мирны и тихи.
Их жизни каждый день, любая дата —
В баллады превращались и в стихи.
Неслыханное было приключение,
Когда Бретань стояла на Земле...
Вот приключение – но не поученье
В рассказе о стыдливом короле.

Ах, Эквитан! Он рыцарь, пеший, конный,
С густою темной кровью королей...
Не дорожит любовью монотонной,
А хочет – ярче, проще, веселей.

Любовной битвы ищет он повсюду.
Где Эквитан – там стайка юных дам.
Но все ж я забегать вперед не буду,
Покуда весь сюжет не передам.

А рассказать, пожалуй что, придется
О том, кто женской нежности искал,
Забывши о законах благородства,
Да и в ловушку страшную попал.

* * *

Был сенешаль, министр у Эквитана,
Хороший друг, неглупый человек.
Давно служил, и было бы нестранно,
Когда б еще служил он целый век.

Его жена красы была нездешней:
Чудесный стан, прелестный алый рот...
Ее походкой, мягкой и неспешной,
Особенно гордился наш народ.

Ее глазами, их морскою тайной,
Ее руками, ласковым лицом,
Улыбкой полудетскою, случайной,
Старинным на руке ее кольцом...

Такое было это чудо света,
Такая шла везде о ней молва,
Что наш король, прослышавши про это,
Уже себя удерживал едва,

Чтоб не помчаться молодой борзою,
Не пасть ей в ноги, преданно смотреть
И, наслаждаясь яркой бирюзою,
В глазах ее сияющих сгореть!

...Ну вот и случай: кончилась охота
Вблизи поместья, где живет она.
Король устал, и конь хромает что-то,
И перед ними башня и стена.

Они стучатся, стоя у порога.
Им открывают двери: при луне
Стоит хозяйка, с виду – недотрога,
А с королем – любезница вполне.

Бедняга Эквитан недомогает!
Он ранен в сердце, он не чувствует сил.
Ни сон, ни явь – ничто не помогает...
Он никогда так прежде не любил.

Что делать, Боже? Это же супруга
Министра моего, слуги и друга.
Как можно на предательство пойти?
А душу – потерять или спасти?

Душа, душа, чувствительная дама...
Король вздыхает, чуть не плачет он.
Тем временем, по зову Эквитана,
Приводят даму. Та идет сквозь сон.

Послушайте! —
король сказал, смущенный.
Вы знать должны, я никогда не лгу.
Сегодня я слуга ваш восхищенный,
И жить без вас едва ли впредь смогу.

Мы не одни. У вас есть муж. Нас трое.
Но только я вас истинно люблю!
Доверьтесь мне, и я все так устрою,
Как это подобает королю.

Ах, государь! —
сказала дама кротко. —
Совсем меня нетрудно поразить.
Судите сами – женщина-сиротка
Могла ль она себе вообразить?..

Что женщина ответит королю?

Такое слово лишь одно – люблю!

Так Эквитан, боец добросердечный,
Отдался весь науке из наук.

И много лет скрывал король беспечный
Свой тихий стыд, любовный свой недуг.

А сенешаль? Как прежде, домом правил,
Хозяйство вел, еще балы давал.

И, кажется, так славно все поставил,
Что сам беды своей не узнавал.

Тем временем беда во все ворота
Стучала беспощадным кулаком.

И назначалась новая охота —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.